

текстов, выхолощенных от всякого смысла («Пора уснуть уж наконец, / Послушавши, как царь-отец / Рассказывает сказки»²⁷). Такая явно несправедливая оценка тем не менее подвела своеобразный итог попытке объявления «нового века» в русской и мировой истории.

Елена Сергеевна Корчмина

НАЧАЛО НОВОГО, XIX ВЕКА В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННИКОВ*

Существует устойчивое восприятие XVIII века как века Просвещения и ассоциативный ряд, связанный с понятием «европейский XVIII век». Применительно к российской истории его начало обычно связывается с деятельностью Петра I, а окончание — с царствованием Екатерины II, что довольно точно совпадает с хронологическими рамками XVIII века.

Восемнадцатый век есть век самый достопамятный в истории государства Российского. Петр Великий умер в 1725 году, — Екатерина II кончила жизнь 6-го ноября 1796 года, так что сии великие по делам государи, один начал, другая кончила XVIII век, знаменитый и в бытописаниях мира и в бытописании царства Русского. 1796-й год, принадлежа к последним четырем годам, оканчивающим XVIII столетие, собственно для России не имел бы особой важности, если бы не был годом кончины императрицы...¹

Европейский XIX век, который с легкой руки Эрика Хобсбаума стал «долгим», с 1789 по 1918 год, не имеет в российской историографии какого-то общепринятого названия или устоявшихся хронологических рамок. Возможно, окончание царствования Екатерины II

* Статья написана на основе доклада, прочитанного в 2011 г. на конференции «Наш XIX век». Статья создавалась в период работы в статусе приглашенного исследователя Центра гуманитарных исследований РАНХиГС по программе «Карамзинские стипендии», поддержанной Фондом Михаила Прохорова.

¹ Рунич Д.П. Сто лет тому назад (Из записок Д.П. Рунича) // Русская старина. Т. 88. 1896. № 11. С. 281.

²⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 1. С. 304.

завершает русский XVIII век, но является ли этот год точкой отсчета для нового, XIX века, или действительно «краткое царствование Павла Петровича не успело испортить духа, влитого в нацию Екатериною»² и XIX век начинается с воцарения Александра («Наступило новое царствование, новый век!»³)? Сам XIX век разбивается эпохой Великих реформ на два периода, что ярко проявляется в обозначении хронологических рамок исторических исследований: «дореформенный период», тесно связанный с эпохой Екатерины II, и «пореформенный период», органически захватывающий начало XX столетия. Это деление, сформировавшееся в рамках изучения в первую очередь социально-политической истории, достаточно привычно переносится на все направления изучения истории России данного периода, от повседневности до литературы. Это обуславливает привычное восприятие второй половины XVIII века и первой половины XIX века как единого периода, но было ли такое ощущение у современников? Можно предположить, что в первую очередь оно было характерно для провинции, где, как принято считать, изменения происходят медленнее, чем в столицах.

Основной вопрос, на который предстоит ответить в рамках этой статьи: когда и как в провинции стал ощущаться приход нового, XIX века? История России во многом и есть провинциальная история. Об этом писали мемуаристы: «...ежели нрав Русских хочешь увидеть, то не надо их смотреть в столичном городе, но смотреть надо их в провинциях, и это правда»⁴. Об этом же пишут исследователи: «...феномен провинциальности оказывается одним из существенных факторов развития российской культуры»⁵.

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, имеет значение для понимания категории XIX века в целом. Можно будет приблизиться и к пониманию «провинциальности», посмотреть, существовала ли привычная «провинциальная отсталость» на рубеже XVIII–XIX веков, в чем

² Муханова М.С. Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив. Кн. 1. 1878. Вып. 3. С. 318.

³ Бутковская А.Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. Т. 12. 1884. № 12. С. 612.

⁴ Бобринский А.Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу [Извлечение] // Русский архив. Кн. 3. 1877. Вып. 10. С. 146.

⁵ Гуркин В.А. Становление локальных исследований российской провинции (на материалах Среднего Поволжья): Автореф. дис. ... д-ра культуролог. наук. М., 2006. С. 14.

выражалась «провинциальная подражательность»⁶. Такой исследовательский опыт может быть полезен для разграничения восприятия категории века современниками и историками.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные мемуары⁷, созданные в течение первой половины XIX века провинциальными дворянами, рожденными в последних десятилетиях XVIII века.

Но кого следует иметь в виду под провинциальным дворянином в этот период? Понятие *дворянин* к указанному времени уже сформировалось и устоялось, и, хотя структура дворянского общества была очень сложна, в рамках поставленной задачи нет смысла останавливаться на этом подробно. А вот что такое *провинция*? В рассматриваемый период «это понятие прочно вошло в обиход, обрело определенный подтекст и знаковый смысл — начиная с XVIII века и до сих пор так называют места, удаленные от столиц, жизнь в которых «серая» и скучная, одним словом, провинциальная»⁸. Но география российской провинции сложна⁹ — и не всегда понятно, куда относить Москву.

С одной стороны, для современников именно Москва является столицей, так как провинция — это маленькие городки, где «в ушах детей, особенно в глухом уезде, раздавалось постоянно имя древней и славной столицы нашей: про Петербург почти не было слышно»¹⁰.

⁶ Ишкин Б.С. Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по мат.-лам конгресса. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. М., 2009. С. 314 (<<http://ec-dejavu.ru/p-2/Provinces-3.html>> [10.07.2012]).

⁷ К мемуарам или источникам мемуарного характера (мемуарам в широком смысле слова) отнесем воспоминания (или собственно мемуары, мемуары в узком смысле слова), автобиографии, путевые записки и дневники, так как «воспоминания и дневники являются записями, описаниями событий и переживаний, которые основаны главным образом на памяти». — Н.П. Матханова. Сибирская женская мемуаристика XIX века (<http://new.hist.asu.ru/biblio/skubnevski/Mathanova.html>).

⁸ Сайко Е.А. Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. М., 2004. С. 36.

⁹ Бельский И.Л. «Провинция» как предмет знания и переживания // Российская провинция XVIII–XX века. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 46. Цит по: Иношкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 23.

¹⁰ Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. Т. 97. 1899. № 1. С. 23.

С другой стороны, Москва чаще воспринималась современниками провинциальной:

...На всегдашнее житье в Москву — во всеобщий инвалидный дом всех российских дворян знатных и незнатных, чиновных и безчиновных. Москва — удивительное пристанище для всех, кому делать более нечего, как свое богатство расточать, в карты играть, ездить с двора на двор; деловых людей в Москве мало. Все вообще отставные, старики, моты, весельчаки и празднующие, — все стекаются в Москву и там век свой доживают припеваючи¹¹.

Так что разумнее отнести к провинции все города, деревни и усадьбы¹², находившиеся за пределами Петербурга.

Мемуары провинциального дворянства, насколько нам известно, никогда не рассматривались как самостоятельная группа источников, требующая специального рассмотрения, о них писали как о чем-то само собой разумеющемся. Так, А.Г. Тартаковский, говоря о мемуарах XVIII века, отмечал: «...дворянство “нижестоящей” группы — ее провинциальные и служиво-чиновные слои активно включаются в мемуаротворчество только в последние четыре десятилетия XVIII века»¹³.

Дворянство как привилегированное сословие, обладавшее свободой передвижения и прочными социальными связями, было в каком-то смысле сословием «надгеографическим». Многие дворяне родились в провинциальных усадьбах или городах, потом в связи с учебой или службой оказались в столице, а впоследствии возвратились обратно в провинцию. Именно так складывалась судьба некоторых мемуаристов. Например, Николай Гаврилович Левшин (1788–1845), служивший в гвардии, а потом в ополчении, после выхода в отставку поселился в своем имении в селе Введенском Орловской губернии. Николай Петрович Брусилов, родившийся в 1782 году в Орловской губернии, в возрасте восьми лет посредством благодетельного родственника поступил в пажеский корпус¹⁴, затем служил в армии и был вологодским губернатором. Поэтому будем считать здесь «провинциальными» тех

¹¹ Левшин Н.Г. Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина. 1788–1804 / Публ. и примеч. Н.П. Барышникова // Русская старина. Т. 8. 1873. № 12. С. 844.

¹² Сайко Е.А. Социокультурный портрет. С. 39.

¹³ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991. С. 32.

¹⁴ Брусилов Н.П. Воспоминания Н.П. Брусилова / Предисл. В.Ф. Боцяновского // Исторический вестник. Т. 52. 1893. № 4. С. 47.

дворян, которые родились и/или прожили часть жизни вне столицы, а также тех, о принадлежности кого к провинциальному обществу говорят современники.

При этом очевидно, что провинция — это не только пространственная, но и временная категория, обусловленная удаленностью от «главных» событий во времени:

Не видя ни одного печатного органа, кроме «Российского календаря» и «Всероссийского песенника», дворяне эти не интересовались и не знали, что происходит в отечестве <...> В лучшем случае политические сведения почерпались из «Московских Ведомостей» <...> Газет не получал почти никто в провинциях, почта приходила в уездные города лишь раз в неделю, по неаккуратности и по своеволию почтмейстеров письма и газеты часто пропадали или лежали у них по целым месяцам.

Вот причина, почему помещики губерний, ближайших к Москве, снаряжали своих собственных хожалых¹⁵.

Эта удаленность от «генеральной линии истории» порождает «провинциальность» как самоидентификацию.

Насколько мемуары позволяют увидеть приход нового века, а не конфликт поколений? Мы сознательно выбирали мемуары, которые были бы написаны людьми одного поколения. При этом учитывалось не только время рождения (последние десятилетия XVIII века), но и время создания мемуаров (1830–1840-е годы).

Интересно, что, обращаясь к мемуарам провинциальных дворян, родившихся в середине XVIII века и писавших мемуары в начале XIX века, мы фактически не находим упоминаний о переходе в новый век и даже сравнения между «старым» и «новым» как такового¹⁶. Говоря о мемуарах 1800–1825 годов, И.И. Подольская пишет, что «даже рассказывая о себе, мемуаристы сознательно не создают “биографии души”. Как и у мемуаристов XVIII в., их записки носят по преимуществу хроникальный характер»¹⁷.

¹⁵ Дубровин Н. Русская жизнь. С. 31–32.

¹⁶ См.: Добрынин Г.И. Истинное повествование или жизнь Гаврилы Добрынина // Русская старина. Т. 3. 1871. № 2–6; Т. 4. 1871. № 7–10; Лукин И.Ф. Жизнь старинного русского дворянина. Записки / Примеч. П.И. Бартенева и Н.С. Киселева // Русский архив. 1865. Вып. 7. Стб. 899–930.

¹⁷ Подольская И.И. Вступительная статья // Русские мемуары. Избранные страницы, 1800–1825 гг. М., 1989. С. 8 (<http://belousenko.com/books/xix/russian_memoirs/russian_memoirs.htm#01> [07.06. 2012]).

Напротив, мемуаристы, рожденные в конце XVIII века, понимали, что наступил другой век.

Метод изучения мемуаров основан на выявлении в источниках того, что современники относили к категории «нового»—«старого» в жизни провинции на рубеже XVIII—XIX веков. Еще при публикации ряда воспоминаний в конце XIX века комментаторы замечали, что мемуаристы не описывали события, важные для их потомков:

...во всяком случае полнейшим индифферентизмом к вопросам общественной жизни только и можно объяснить то обстоятельство, что автор, будучи современником таких важных моментов в русской истории, как конец XVIII и начало XIX веков, в своих воспоминаниях ограничивается сообщением внешних фактов придворной жизни при Екатерине II, сообщает кое-что о царствовании Александра I и ни словом не обмолвился ни о декабристах, ни о царствовании Павла I¹⁸.

При изучении мемуаров бросается в глаза то, что категория времени воспринималась современниками интуитивно и неопределенно. Описывая те или иные события или явления, мемуаристы редко привязывали их к конкретным датам, а обозначали через категории «старое» (время Екатерины II) и «новое» (XIX век), например: «Старое время было урожайнее нашего»¹⁹. При этом сам момент перехода из одного состояния в другое авторами не акцентировался.

В провинциальных мемуарах «новое» чаще всего замечалось в образовании, одежде и традициях гостевания и общения. В остальных сферах изменения отмечают лишь немногие мемуаристы.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Подмечая происходившие перемены, мемуаристы шли методом «от противного», то есть описывали «старое» в обучении и давали ему оценку, например: «В нынешнем веке смешно такое образование, но такое начало не совсем худо»²⁰. Иногда применительно к образованию даже говорили о моде XVIII столетия²¹.

¹⁸ Боцяновский В. Комментарий к «Воспоминаниям Н.П. Брусилова» // Исторический вестник. Т. 52. 1893. № 4. С. 45.

¹⁹ Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Русские мемуары. Избранные страницы, 1800–1825 гг. М., 1989. С. 547.

²⁰ Брусилов Н.П. Воспоминания. С. 49.

²¹ Левшин Н.Г. Домашний памятник. С. 829.

Каким было это «старое» образование? В мемуарах чаще описывалось домашнее обучение или образование в военных учебных заведениях, хотя последнее вряд ли можно расценивать как провинциальное.

Самые заметные перемены, по мнению мемуаристов, произошли в преподаваемых предметах. «Старое» обучение начиналось с букваря и часовника, что «с юных ногтей знакомит с родным языком и научает страху Божию. Тогда еще не учили по-русски на французский манер, не было ни а, ни бе, а были просто аз, буки, веи и проч.»²². Одним из ключевых элементов обучения были иностранные языки — французский и немецкий²³, тогда как абстрактные предметы вроде философии отсутствовали. При этом, как и вся провинциальная жизнь, обучение шло по-русски неспешно.

Мемуаристы говорили о невысоком уровне «старого образования». Не учили, кажется, ничему²⁴, «многие и состоятельные помещики не получали достаточного образования, иные по нерадению, другие по невозможности достать хороших преподавателей и учебников. Что же сказать про образование так называемых мелкопоместных дворян?»²⁵ Различных учителей привозили из Москвы, которая тогда была наполнена французскими эмигрантами²⁶.

Невысокий в целом уровень провинциального «старого» образования XVIII века объясняется мемуаристами тем, что оно рассматривалось скорее как роскошь, чем необходимость²⁷, а также невозможностью назвать учителей в глушь.

Невысоко оценивалось образование в провинции со стороны столичного дворянства²⁸. Но и столичное образование провинциалами воспринималось также как «небрежное»:

...справедливость требует сказать, что учили очень небрежно. Учили по-гречески и по-латыни, но едва ли кто из нас умел читать по латыни и едва ли кто знал греческую азбуку от альфы до омеги.

²² Брусилов Н.П. Воспоминания. С. 47.

²³ Левшин Н.Г. Домашний памятник. С. 830.

²⁴ Батенков Г.С. Данные. Повесть собственной жизни. Записки Г.С. Батенкова / Сообщ. Н.А. Елагиным // Русский архив. Кн. 2. 1881. Вып. 4. С. 251.

²⁵ Николева М.С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский архив. Кн. 3. 1893. № 9. С. 118.

²⁶ Там же. С. 116.

²⁷ Басаргин Н.В. Воспоминания Н.В. Басаргина об учебном заведении для колоновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве / Сообщ. М.Л. Бибиковым // Русский архив. 1868. М., 1869. Стб. 794.

²⁸ См.: Рунин Д.П. Сто лет тому назад.

Немецкий и французский языки также были в небрежении, и если кто из нас знал что-нибудь, то только те, которые брали частных учителей²⁹.

И если традиционно в провинции в XVIII веке учили дьячки и подьячие³⁰, то в столичных военных учебных заведениях «трудно было найти развитых педагогов и воспитателей; корпусные офицеры зачастую были пьяницы, и обращение кадет между собою было грубое»³¹.

Приход к власти Александра I, совпавший по времени с началом календарного XIX века, принес изменения в образование³². Но перемены шли очень медленно в силу «неразвитости» общества, а также нежелания дворян получать образование вместе с детьми из других сословий. Этот вывод полностью подтверждается словами современников, правда, не провинциалов, а «весьма осведомленного мемуариста» (по словам В.Я. Гросула): «Только со смертью императора Павла I, в начале уже XIX столетия, началось повсеместное и правильное распространение народного просвещения в России»³³.

Анализ мемуаров демонстрирует, что приход нового, XIX века в образовании отстоял на десятилетие–полтора от начала календарного века, которое характеризовалось попытками правительства провести изменения в области образования на уровне провинции.

Император Александр, его приближенные и высшие правительственные лица писали гуманные указы и делали распоряжения, которыми восторгались современники и в особенности иностранцы, но чиновничество, не сочувствуя такому направлению, предпочитало придерживаться старых порядков и часто не исполняло указов, даже и высочайших. «Превосходнейшие законы без исполнения, говорит современник (имеется в виду П. Сумароков. — Е.К.), несравненно хуже безрассудных, с строгим оных соблюдением»³⁴.

²⁹ Брусилов Н.П. Воспоминания. С. 50.

³⁰ Левшин Н.Г. Домашний памятник. С. 829.

³¹ Бутковская А.Я. Рассказы бабушки. С. 610.

³² Платонова Т.В. Провинциальное дворянство в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Саратовской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. С. 22; Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв.: на материалах Тамбовской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. С. 18; и др.

³³ Рунин Д.П. Сто лет тому назад. С. 284.

³⁴ Дубровин Н. Русская жизнь. С. 4.

ИЗМЕНЕНИЯ В БЫТОВЫХ ПРИВЫЧКАХ

Бытовые привычки менее всего подвержены изменениям. При этом исследователи различают «уровни» быта и разное влияние на них³⁵. В мемуарах «противостояние» XVIII и XIX веков часто проявлялось в традициях ношения костюма.

Перемены, произошедшие в одежде, пожалуй, должны были быть самыми заметными, и связаны они были во многом с изменившейся модой. «Великая французская революция изменила не только общественные взгляды, но и эстетические представления. Наряды последних лет XVIII века значительно упростились, это отразилось и в головных уборах»³⁶. В этом мемуаристы видели влияние столиц: «Обычаи петербургские и московские постепенно распространялись по всем губернским городам»³⁷.

Но, несмотря на подобное влияние, старики продолжали одеваться по-старинному:

Как сейчас гляжу, Ефим Дмитриевич всегда одевался по старинному в немецкие разноцветные кафтаны, с стеклянными и бронзовыми пуговицами, напудрен, с буклями и длинной косой; перстень бриллиантовый на пальце, жалованная табакерка в глазетовом жилете и часы жалованные, с бриллиантовыми брелоками; шуба и шапка соболья, верх бархатный³⁸.

Подобные изменения еще на протяжении нескольких десятилетий не касались и домашнего быта, да и в целом новомодная одежда надевалась в основном для поездок в столицу³⁹ и для губернских собраний.

³⁵ Новое, проникшее с Запада, касалось преимущественно внешних сторон бытовой жизни дворянства — его стиля одежды, манер общения, поведения, обустройства усадьбы, в то время как семейные отношения, домашние обряды, праздники, менталитет провинциалов определяли в основном древнерусские традиции и реалии крепостной России, не подготовленной по своему уровню развития к восприятию западноевропейских образцов быта (Шлукина Н.А. Быт провинциального дворянства во второй половине XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001).

³⁶ Верещагин В.А. Женские моды александровского времени // <http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=14078> (20.05.2011).

³⁷ Рунин Д.П. Сто лет тому назад. С. 297.

³⁸ Левшин Н.Г. Домашний памятник. С. 841.

³⁹ Бутковская А.Я. Рассказы бабушки. С. 602.

В целом старая жизнь воспринималась как «могучая» и «характерная»⁴⁰. И мемуаристам казалось, что

...в то время было более свободы, нежели ныне, разумеется, не в политическом и гражданском отношении, а в личном и семейном. Были открытые симпатии и антипатии; никто не утаивал их, и общество покрывало все и обеспечивало свою беспристрастную терпимостью⁴¹.

Все это позволяло мемуаристам сделать логичный вывод, что «наш (XIX. — Е. К.) век не производит больше этих цельных, сильных натур, прошлое столетие, напротив, вызвало их везде, даже там, где они не были нужны, где они не могли иначе развиваться, как в уродство»⁴².

В заключение стоит сказать, что восприятие некоторых сторон жизни провинции на рубеже веков свидетельствует об определенной задержке (по крайней мере на десятилетие–полтора) в восприятии времени. Поэтому, строго говоря, о XIX веке в провинции можно говорить уже после войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, когда провинция стала воспринимать и воспроизводить те изменения, которые характеризуют приход нового, XIX века: повышение качества образования, динамизм и увеличение информационных потоков.

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВЕКА: ВРЕМЯ ПОКОЛЕНИЙ

⁴⁰ Батенков Г.С. Данные. Повесть собственной жизни. С. 254.

⁴¹ Вяземский П.А. Московское семейство. С. 307–308.

⁴² Пассек Т.П. Из дальних лет // Русская старина. Т. 6. № 12. 1872. С. 630.